А. А. Пановъ.

Что такое Сахалинъ и нуженъ-ли онъ намъ?

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Г. К. СКАЧКОВА. Улица Жуковскаго, 20.
1905.

А. А. Пановъ.

Что такое Сахалинъ и нуженъ-ли онъ намъ?

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Г. К. СКАЧКОВА. Улица Жуковскаго, 20.
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 іюля 1905 г.

Отпечатано 8.000 экз.

Что такое Сахалинъ и нуженъ-ли онъ намъ?

На политическомъ горизонтѣ занялась заря надежды на скорое окончаніе войны и, можетъ быть, уже недалеко то время, когда намъ придется серьезно обсуждать предложенныя нашимъ противникомъ условія мира. По общему мнѣнію, среди этихъ условій не послѣднее мѣсто будетъ занимать вопросъ объ уступкѣ японцамъ Сахалина, который, будто бы, необходимъ имъ, какъ мѣсто обильнаго лова рыбы, идущей частью въ пищу бѣднѣйшему населенію страны, но главнымъ образомъ служащій матеріаломъ для приготовленія удобрительнаго тука. Ничего невозможнаго, конечно, въ этомъ нѣтъ, тѣмъ болѣе, что Сахалинъ обладаетъ совершенно исключительными по своимъ размѣрамъ и разнообразію природными богатствами и можетъ поэтому служить заманчивою цѣлью не для однихъ японцевъ. Почему въ такомъ случаѣ не попытаться поставить вопросъ объ уступкѣ Сахалина въ число условій мира?

Мы, русскіе, удивительно мало знаемъ наше отечество. Въ то время какъ нѣмецкій школяръ считаетъ своею обязанностью въ извѣстные годы надѣть

на свои плечи котомку пилигрима и обойти пѣшкомъ хоть часть страны, гдѣ придется ему жить и работать, мы сидимъ сиднемъ и даже въ книги, посвященныя описанію быта и природы своей родины безъ особенной надобности не заглядываемъ. Отъ этого и происходитъ, что мы не знаемъ не только нашихъ окраинъ, но часто и смежныхъ съ мѣстомъ, гдѣ мы живемъ, областей. Особенно не повезло въ этомъ отношеніи Сахалину. Научныя изслѣдованія его природы относятся почти исключительно къ концу шестидесятыхъ и началу семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія и, разсѣянныя въ спеціальныхъ ученыхъ изданіяхъ они и въ свое время не были извѣстны въ большой публикѣ, а теперь почти совершенно позабыты. Все, что писалось съ тѣхъ поръ о Сахалинѣ, было почти исключительно посвящено быту каторги и носило болѣе беллетристическій, чѣмъ научный характеръ. Общество жадно набрасывалось на яркія, подчасъ до омерзенія выпуклыя изображенія безправія, насилія и произвола, царящихъ на этомъ островѣ изгнанія, и свое справедливое негодованіе на сахалинскіе порядки несправедливо переносило на самый островъ, одно имя котораго уже наводитъ ужасъ и вызываетъ проклятіе. Сахалинъ сдѣлался больнымъ мѣстомъ для русскаго человѣка, и онъ готовъ отдать его кому угодно—японцамъ, американцамъ, или еще кому нибудь—лишь бы избавиться отъ того жгучаго чувства горечи, которое неразлучно связано съ представленіемъ о немъ. Но порядки, какъ и всякое дѣло рукъ человѣческихъ, могутъ измѣняться, значеніе же Сахалина какъ территоріи, имѣющей опредѣленное экономическое и политическое значеніе, продолжаетъ оставаться. На это до сихъ поръ почти не обращали вниманія. Политическая жизнь Востока слишкомъ долго находилась въ состояніи летаргіи, чтобы мы сразу могли повѣрить въ ея пробужденіе и произвести необходимую переоцѣнку значенія нашихъ дальне-восточныхъ окраинъ въ зависимости отъ воз-

рожденія подъ нашимъ бокомъ могущественнаго политическаго организма. Теперь, пока не поздно, эту переоцѣнку произвести необходимо, иначе мы рискуемъ потерять Сахалинъ не столько въ силу перевѣса успѣховъ японскаго оружія, сколько вслѣдствіе того, что мы недостаточно ясно представляемъ себѣ его значеніе.

Многіе считаютъ вопросъ о Сахалинѣ совершенно безнадежнымъ, такъ какъ, съ погибелью нашего флота, намъ невозможно его защищать и стало быть занятіе его японцами представляетъ лишь вопросъ времени. Вотъ что писалъ я недавно по этому поводу въ одной изъ своихъ статей по вопросу „Можно-ли отдать Сахалинъ“ *). „За истекшее столѣтіе, съ развитіемъ индустріи, разсчитанной на міровой рынокъ, экономическіе интересы всѣхъ промышленныхъ странъ до такой степени тѣсно переплелись другъ съ другомъ, что усиленіе политическаго могущества той или другой изъ державъ, входящихъ въ составъ „мірового концерта“, является вовсе не безразличнымъ для остальныхъ. Бой между двумя противниками давно уже утратилъ свое старое значеніе частной дуэли, до которой никому нѣтъ дѣла и вопросъ о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ побѣдителя получилъ международное значеніе. Въ настоящее время перья политиковъ часто имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ штыки и пушки. А потому недостаточно еще взять тотъ или другой кусокъ земли, необходимо удержать его за собою, а это зависитъ отъ равновѣсія интересовъ болѣе или менѣе значительнаго числа вовсе не участвовавшихъ въ вооруженномъ столкновеніи державъ. Напрасно поэтому думаютъ, будто положеніе Сахалина до такой уже степени безнадежно, что о немъ не стоитъ говорить. Совершенно вѣрно, что теперь, съ потерей флота, Сахалинъ болѣе чѣмъ когда нибудь

*) „Разсвѣтъ“ № 87.

беззащитенъ и взять его не представляетъ почти никакого труда. Но можно-ли, съ точки зрѣнія международныхъ интересовъ, допустить, чтобы онъ остался за японцами, это—вопросъ другой, въ рѣшеніи котораго заинтересованы не одни только мы.

„Никто однако не станетъ рѣшать за насъ вопроса, нуженъ-ли намъ Сахалинъ и распинаться за наши интересы, если мы сами не будемъ ихъ защищать. Вѣдь во всякомъ случаѣ мы болѣе всѣхъ заинтересованы въ сохраненіи Сахалина. А какъ мы будемъ его отстаивать, когда мы совершенно не знаемъ и—болѣе того—не хотимъ знать, что такое Сахалинъ и какое значеніе онъ для насъ имѣетъ? Можетъ, конечно, случиться, что при всѣхъ стараніяхъ намъ не удастся отстоять Сахалинъ. Можетъ быть, ему суждено быть мечомъ Бренна на вѣсахъ мира, но даже и въ этомъ случаѣ, будучи вынуждены отдать Сахалинъ, мы должны знать, чего лишаемся, а не идти ощупью съ закрытыми глазами“.

Полгода тому назадъ я выпустилъ книгу „Сахалинъ какъ колонія“, въ которой между прочимъ я старался доказать важное государственное значеніе Сахалина. Не смотря на лестные отзывы повременной печати, она осталась мало извѣстной въ широкой публикѣ. Грозныя военныя событія съ одной стороны и вопросъ о внутреннихъ реформахъ съ другой заставляли общество жить интересами текущей минуты и не оставляли мѣста для заботъ о какомъ-то Сахалинѣ, тѣмъ болѣе, что о немъ сложилось уже опредѣленное мнѣніе. Но пора, наконецъ, отбросить старые предразсудки и поставить ребромъ вопросъ, что теряемъ мы въ Сахалинѣ, въ случаѣ если-бы намъ предложили миръ цѣной его уступки. Болѣе чѣмъ когда нибудь продолжая оставаться при высказанномъ уже мной въ печати убѣжденіи, что Сахалинъ необходимъ намъ не только какъ богатѣйшая колонія въ будущемъ, но и какъ оплотъ нашего

господства на всей громадной территоріи Приамурья, я считаю своимъ гражданскимъ долгомъ попытаться еще разъ остановить вниманіе общества на значеніи для насъ этого забытаго и пренебрегаемаго нами острова. Я считаю это дѣло тѣмъ болѣе необходимымъ, что если признано будетъ возможнымъ передать вопросъ о войнѣ или мирѣ на обсужденіе народныхъ представителей, то имъ некогда будетъ заниматься изученіемъ Сахалина по источникамъ, а между тѣмъ имъ необходимо будетъ составить твердый и ясный взглядъ на его значеніе. Въ этомъ случаѣ, какъ смѣю думать, моя брошюра могла бы оказаться не совсѣмъ безполезной.

Мы не одинъ разъ уже были наказаны за наше слабое знакомство съ нашими окраинами. Вспомнимъ Кульджу, вспомнимъ сѣверо-американскія владѣнія, о богатствахъ которыхъ мы не подозрѣвали и пусть эта брошюра послужитъ предупрежденіемъ, что и теперь мы столь же безпомощно стоимъ передъ рѣшеніемъ вопроса объ уступкѣ нашей территоріи, но въ настоящее время этотъ вопросъ неизмѣримо важнѣе, такъ какъ ни Кульджа, ни тѣмъ болѣе сѣверо-американскія владѣнія не были связаны кровными узами съ остальной территоріей нашего государства; Сахалинъ же, тѣсно премыкая къ нашимъ владѣніямъ на материкѣ, составляетъ естественную ихъ границу на востокѣ и потеря его грозитъ намъ потерею всего Приамурья или новою кровопролитною войною въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать слѣдующее. Я получилъ возможность издать эту брошюру только потому, что на это мнѣ были предоставлены средства лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ. Средства эти очень не велики, а потому брошюра можетъ быть отпечатана въ далеко не соотвѣтствующемъ важности вопроса, которому она посвящена, количествѣ экземпляровъ. Въ виду

этого обращаюсь ко всѣмъ, въ чьи руки попадетъ эта брошюра, съ покорнѣйшей просьбой—дать ей распространеніе въ возможно большемъ кругѣ лицъ и тѣмъ способствовать возможно болѣе широкой пропагандѣ высказанныхъ въ ней идей.

I.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о значеніи для насъ Сахалина, я позволю себѣ сдѣлать краткій обзоръ нашихъ сношеній съ японцами по поводу этого острова.

За все время историческаго существованія Сахалина онъ, какъ извѣстно, служилъ для японцевъ только какъ мѣсто обильнаго лова рыбы. Когда впервые появились японцы на этомъ островѣ съ цѣлью эксплуатаціи его рыбныхъ богатствъ, въ точности неизвѣстно. Лаперузъ посѣтившій Сахалинъ въ 1786 году, не встрѣтилъ на немъ никого кромѣ его аборигеновъ—айно, не признававшихъ надъ собою ничьего господства. Другой русскій путешественникъ, Крузенштернъ, свидѣтельствуетъ, что въ 1805 г. японцы жили на островѣ въ совершенно еще новыхъ домахъ. Такимъ образомъ проникновеніе японцевъ на Сахалинъ должно быть отнесено къ началу XIX и никакъ не раньше самаго конца XVIII вѣка. Но и въ это время и позднѣе они не предъявляли никакихъ политическихъ правъ на этотъ островъ. Они смотрѣли на него исключительно только какъ на мѣсто выгоднаго для нихъ отхожаго промысла, а отношенія ихъ къ мѣстному населенію, кроткому и мирному, ограничивались лишь эксплуатаціей его труда. Постоянныхъ японскихъ поселеній на Сахалинѣ не существовало. Они пріѣзжали на островъ весною и, по окончаніи лова рыбы, осенью возвра-

щались въ свое отечество, оставивъ лишь необходимую стражу для охраны незатѣйливыхъ промысловыхъ построекъ.

Въ 1806 году, стало быть вслѣдъ за первымъ проникновеніемъ японцевъ на Сахалинъ, представитель россійско-американской компаніи, Резановъ, уполномоченный для заключенія торговаго договора съ Японіей, будучи раздраженъ постигшей его въ этомъ отношеніи неудачей, приказалъ состоявшимъ на службѣ у россійско-американской компаніи морскимъ офицерамъ, Давыдову и Хвостову, отправиться къ острову Сахалину, „истребить всѣ японскіе суда и магазины (для храненія рыбы и припасовъ), забравъ изъ нихъ драгоцѣннѣйшее, захватить нѣсколько японцевъ съ кумирнею ихъ для водворенія въ Камчаткѣ, а всѣхъ остальныхъ отправить въ ихъ землю, объяснивъ имъ, чтобы никогда они Сахалина, какъ россійскаго владѣнія, посѣщать иначе не отваживались, какъ пріѣзжая для торга“. Хвостовъ выполнилъ это порученіе въ точности, а въ слѣдующемъ, 1807, г. повторилъ эту экспедицію вмѣстѣ съ Давыдовымъ, разгромивъ по дорогѣ японскую рыболовную факторію на Курильскихъ островахъ, но японцевъ на Сахалинѣ уже не оказалось.

Повторенная въ 1811 году русскимъ правительствомъ попытка завязать торговыя сношенія съ Японіей окончилась также неудачей и нашъ посолъ Головнинъ, въ отместку за хвостовскій погромъ, былъ взятъ японцами въ плѣнъ, изъ котораго освобожденъ только лишь тогда, когда наше правительство дало торжественное увѣреніе, что экспедиція нашихъ морскихъ офицеровъ есть только самовольный разбойничій набѣгъ, за который оно не можетъ считать себя отвѣтственнымъ.

Когда въ 1848 году было занято Невельскимъ устье Амура, то сила необходимости заставила насъ обратить вниманіе и на лежащій противъ него Саха-

линъ. Сѣверная часть его, по прежнему, оставалась ничьей, на южномъ же и юговосточномъ его берегахъ имѣлись въ небольшомъ количествѣ японскія рыболовныя факторіи, которыя, какъ и прежде, были посѣщаемы японцами только во время лова рыбы. Внутрь острова проникали только немногіе японскіе промышленники для вымѣна у инородцевъ пушнины. Послѣдніе, какъ и прежде, оставались лишь въ экономической зависимости отъ японцевъ, которые путемъ насилія заставляли ихъ работать на себя, отнимали у нихъ пушнину и рыбу и вознаграждали ихъ за это рисомъ въ томъ количествѣ, какое сами признавали возможнымъ дать, и нерѣдко оставляли ихъ съ самыми ничтожными, далеко недостаточными средствами пропитанія. Въ виду этого, когда въ 1853 году Невельскимъ были основаны на Сахалинѣ два поста, Ильинскій на западномъ берегу и Муравьевскій—на южномъ, то айно смотрѣли на русскихъ, какъ на своихъ избавителей отъ крѣпостныхъ цѣпей, въ которыя заковали ихъ японскіе промышленники.

Прибытіе русской военной команды на южный берегъ острова встревожило японцевъ. Они боялись повторенія хвостовскаго погрома, и на слѣдующую весну ихъ рыбопромышленники прибыли на Сахалинъ въ сопровожденіи солдатъ. Не смотря на то, что Муравьевскій постъ былъ основанъ съ командою только изъ 70 человѣкъ, часть которыхъ къ веснѣ примерла, часть переболѣла, а остальные были изнурены цингой и плохимъ питаніемъ, японцы не отважились съ оружіемъ въ рукахъ заявить свои политическія права на островъ. Сознаніе этихъ правъ было въ нихъ тогда еще настолько слабо, что даже почту они не рѣшались отправить въ Японію безъ разрѣшенія начальника поста, лейтенанта Буссе.

Восточная война и невозможность защищать Сахалинъ въ случаѣ высадки на его берега англо-французскаго дессанта заставила насъ снять наши посты,

что поколебало престижъ нашъ у японцевъ, и они начали упорно отстаивать свое право на южный Сахалинъ. По Симодскому трактату было признано, что послѣдній принадлежитъ японцамъ, а сѣверная часть острова—намъ, но граница между владѣніями обоихъ государствъ не была точно опредѣлена. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ наши дипломаты вели переговоры съ Японіей относительно уступки намъ южной части острова, но японцы не соглашались. Подъ давленіемъ опасенія потерять островъ, японцы пытались колонизовать его, но онъ, по прежнему, сохранилъ за собою исключительно промысловое значеніе и даже значительно позже, въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, число японскихъ рабочихъ на островѣ не превышало въ лѣтнее время 600 человѣкъ. Между тѣмъ въ 1867 году мы высадили на южный Сахалинъ двѣ роты солдатъ, изъ коихъ одна была оставлена въ Косунаѣ, гдѣ предполагалось провести границу между нашими и японскими владѣніями, а другая—на южномъ берегу, гдѣ былъ основанъ постъ, названный въ память покинутаго въ 1854 году—Муравьевскимъ. Протестъ японцевъ этому занятію выражался только въ томъ, что, при каждой попыткѣ нашей заявить свои притязанія на нѣдра земли путемъ разработки каменнаго угля, они рядомъ ставили свои работы, но какъ съ той, такъ и съ другой стороны эти попытки носили лишь характеръ политическихъ демонстрацій, а не серьезныхъ экономическихъ предпріятій. Наконецъ, въ 1875 г., по Петербургскому трактату, къ намъ отошла и южная часть Сахалина взамѣнъ уступленныхъ нами Японіи Курильскихъ острововъ.

II.

Первое, что бросилось въ глаза при занятіи нами Сахалина, это былъ каменный уголь. Мощныя отложенія этого минеральнаго топлива, прорѣзывающіяся во многихъ мѣстахъ береговой линіи, придаютъ сахалинскимъ обрывистымъ берегамъ ихъ мрачный, характерный видъ. Эти отложенія во многихъ мѣстахъ острова выходятъ на дневную поверхность, что чрезвычайно облегчаетъ добычу угля, счастливое же расположеніе пластовъ даетъ возможность его разработки безъ дорого стоющихъ подъемныхъ и водоотливныхъ сооруженій. Благодаря этому, добыча угля обходилась въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія нашему морскому вѣдомству, при вольныхъ платныхъ работахъ, по двѣ копейки за пудъ, тогда какъ въ то-же время за плохой японскій уголь наши моряки въ Шанхаѣ платили не менѣе 8 долларовъ за тонну, англійскій же, который почти исключительно былъ употребляемъ для надобностей флота, доходилъ по временамъ до 27 долларовъ за тонну.

Сахалинскій уголь неоднократно былъ подвергаемъ химическимъ изслѣдованіямъ и былъ признанъ, какъ по своему составу, такъ и по практической его пригодности, не уступающимъ лучшимъ сортамъ англійскихъ и шотландскихъ углей. Въ таблицѣ каменныхъ углей, изслѣдованныхъ въ лабораторіи горнаго департамента, показанъ слѣдующій составъ углей изъ дуйскихъ на Сахалинѣ мѣсторожденій: угля — 71,01, летучихъ веществъ—24,88 и золы—4,11. Органическая часть угля въ ста частяхъ содержитъ: углерода—75,57, водорода — 5,03, кислорода и азота — 19,40. Нагрѣвательная способность непросушеннаго угля—6.369. Сравнивая вышеприведенныя цифры содержанія угля и золы въ образцахъ углей дуйскихъ мѣсторожденій

съ 46 приведенными въ той же таблицѣ анализами каменныхъ углей изъ различныхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи, усматривается, что, по содержанію углерода, дуйскій каменный уголь уступаетъ только углю изъ деревни Сухой Логъ, близь Каменскаго завода на Уралѣ, содержаніе же золы въ дуйскомъ углѣ превосходитъ только таковое же въ угляхъ нѣкоторыхъ мѣсторожденій Бахмутскаго уѣзда, луньевскаго мѣсторожденія на Уралѣ и домбровскаго въ Царствѣ Польскомъ. По нагрѣвательной способности дуйскій уголь уступаетъ только муравлинскому Рязанской губерніи, углямъ Бахмутскаго уѣзда, луньевскаго и кыновскаго мѣсторожденій на западномъ склонѣ Урала. Сахалинскій уголь прекрасно коксуется, давая до 64% кокса и можетъ быть употребляемъ не только для отопленія паровыхъ котловъ, но и въ металлургическомъ производствѣ, замѣняя собою древесный.

Въ настоящее время сахалинскій уголь не пользуется хорошей славой у моряковъ и ему предпочитаютъ японскій уголь, хотя послѣдній, по своимъ природнымъ качествамъ, далеко ниже сахалинскаго. Но это объясняется исключительно крайне небрежной постановкой его добычи въ техническомъ отношеніи. Уголь плохо сортируется, вслѣдствіе чего въ немъ встрѣчается много каменныхъ породъ. Сверхъ того, при многочисленныхъ перегрузкахъ его до сдачи на судно, онъ сильно измельчается, и масса его непроизводительно погибаетъ, проваливаясь въ поддувало.

Прекрасныя качества сахалинскаго угля своевременно были замѣчены американцами, которые въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, упорно добивались разрѣшенія имъ концессій на добычу каменнаго угля, но правительство не рѣшалось ни допустить американцевъ къ эксплуатаціи каменноугольныхъ богатствъ острова, ни затратить необхо-

димыя суммы для оборудованія этого дѣла на казенный счетъ, а потому у насъ не было и нѣтъ—ни удобнаго для стоянки судовъ порта, ни погрузочныхъ, ни перевозочныхъ средствъ, и наши суда, имѣя подъ руками собственный дешевый и прекрасный уголь, вынуждены были расходовать огромныя суммы на пріобрѣтеніе англійскаго угля.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы экономическое значеніе сахалинской каменноугольной промышленности было своевременно понято, и наша политика не придавала бы такого большого значенія захвату ея иностранными капиталистами, то сахалинскій каменный уголь еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія вытѣснилъ бы съ восточно-азіатскихъ рынковъ англійскій уголь. Тогда не былъ еще открытъ Суэцкій каналъ и англичане возили свой уголь въ азіатскія воды кружнымъ путемъ, мимо мыса Доброй Надежды. Дороговизна столь далекаго фрахта лишала англійскій уголь возможности конкурировать съ дешевымъ сахалинскимъ углемъ, и послѣдній могъ бы сдѣлаться единственнымъ топливомъ для судовъ какъ азіатскаго, такъ и американскаго побережій Великаго океана. На ряду съ этимъ на Дальнемъ Востокѣ могло бы развиться русское торговое мореходство и, можетъ быть, вся экономическая жизнь этого края была бы совершенно иная, а вмѣстѣ съ экономическимъ и политическое положеніе наше тамъ получило бы совсѣмъ иное значеніе.

Люди, имѣвшіе случай ознакомиться съ Сахалиномъ и его каменноугольными богатствами, еще въ шестидесятыхъ годахъ предрекали ему міровое значеніе въ развитіи торговли и промышленности на берегахъ Великаго океана, и въ этихъ мечтаніяхъ не было ничего преувеличеннаго. До сихъ поръ каменноугольныя мѣсторожденія Сахалина изучены въ сравнительно ничтожномъ районѣ, но каменный уголь извѣстенъ на немъ всюду, куда только проникала нога

культурнаго человѣка, начиная отъ его самой сѣверной оконечности, по всему западному и южному побережьямъ, а также во многихъ мѣстахъ восточнаго и внутри острова, гдѣ онъ встрѣчается среди валуновъ многочисленныхъ горныхъ рѣчекъ. Такое повсемѣстное нахожденіе каменнаго угля заставляетъ предполагать, что вся площадь острова, занимающая свыше 66 тысячъ квадр. верстъ, представляетъ изъ себя ничто иное какъ одну сплошную свиту каменноугольныхъ пластовъ, составляющихъ неистощимый запасъ этого, имѣющаго въ промышленной жизни столь важное значеніе, минерала.

Но не потому только сахалинскій уголь заслуживаетъ вниманіе, что онъ могъ бы служить весьма выгоднымъ предметомъ сбыта на восточно-азіатскихъ и американскихъ рынкахъ. Быть можетъ, еще болѣе важное значеніе имѣетъ онъ потому, что на Сахалинѣ имѣются весьма значительныя, хотя и вовсе не изслѣдованныя, рудныя богатства, каковы: желѣзо, мѣдь, свинецъ и серебро. Особеннымъ обиліемъ и богатствомъ содержанія отличаются желѣзныя руды, которыя, также какъ и каменный уголь, найдены почти повсюду. При столь дешевомъ и легко добываемомъ топливѣ, на островѣ могла бы развиться обширная и разнообразная металлургическая промышленность, тѣмъ болѣе что въ сосѣднихъ странахъ, въ Китаѣ и Японіи, желѣза или вовсе нѣтъ или очень мало, и сахалинское желѣзо могло бы такимъ образомъ найти себѣ въ нихъ почти неограниченный сбытъ. Наконецъ, на Сахалинѣ найдено золото, которое, какъ можно думать, не разрабатывается до сихъ поръ только потому, что, при необходимости привозить издалека не только орудія производства, но и самую провизію, и при дороговизнѣ фрахта вслѣдствіе слабаго развитія нашего торговаго мореходства на Востокѣ, добыча золота обошлась бы слишкомъ дорого и была бы безвыгодна.

Кромѣ указанныхъ ископаемыхъ на сѣверо-западномъ и сѣверо-восточномъ берегахъ Сахалина найдены въ нѣсколькихъ пунктахъ мѣсторожденія нефти, которая отлагаетъ на поверхности цѣлыя озера асфальта. По химическимъ изслѣдованіямъ, нефть эта весьма высокаго качества, что же касается вопроса о размѣрахъ ея запасовъ въ нѣдрахъ земли, то объ этомъ, ничего нельзя сказать даже приблизительно, такъ какъ съ этой стороны Сахалинъ вовсе не изслѣдованъ, если же вѣрить словамъ инженера Платонова, посѣтившаго этотъ островъ по порученію бакинскихъ нефтепромышленниковъ, то богатства ея на Сахалинѣ во всѣхъ отношеніяхъ превышаютъ и американскія и бакинскія. Между тѣмъ американскій керосинъ въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе вытѣсняетъ на восточно-азіатскихъ рынкахъ бакинскій, который еще недавно имѣлъ здѣсь преобладающее значеніе. Легко понять поэтому, какое значеніе имѣла бы нефтяная промышленность на Сахалинѣ, который лежитъ рядомъ съ главнѣйшими восточно-азіатскими рынками и могъ бы доставлять не только дешевый керосинъ и смазочныя масла, но и дешевое отопленіе для торговыхъ и военныхъ судовъ, и какъ могла бы способствовать развитію торговаго нашего судоходства и вообще экономической жизни во всѣхъ прилегающихъ къ Великому океану мѣстахъ нашего отечества разработка нефтяныхъ богатствъ этого далекаго острова.

Таковы минеральныя богатства Сахалина, но ими не исчерпываются тѣ дары, которыми природа щедро наградила этотъ островъ. Его воды кишатъ разнообразными породами рыбъ, изъ которыхъ наиболѣе цѣнное значеніе имѣетъ сельдь и нѣсколько породъ лососевыхъ. Сельдь до четырехъ разъ въ лѣто подходитъ къ сахалинскимъ берегамъ для нереста, и стаи ея до такой степени бываютъ густы, что лодка, попавъ въ середину руна, едва можетъ двигаться,

и при каждомъ взмахѣ весла нѣсколько штукъ этой рыбы выбрасывается на морскую поверхность. Послѣ бури во время хода сельди, берега Сахалина на нѣсколько верстъ бываютъ покрыты выброшенною сельдью, а изъ икры на берегахъ образуются цѣлые холмы. Иногда сельдь не успѣваетъ вмѣстѣ съ отливомъ уйти въ море и остается на берегу въ такомъ количествѣ, что жители прибрежныхъ мѣстностей цѣлыми телѣгами собираютъ ее для продажи на сосѣдніе японскіе промыслы для выработки тука. Сельдь эта очень жирна и вкусна и въ консервированномъ видѣ могла бы наравнѣ съ кэтой (родъ семги) служить не только дешевымъ пищевымъ продуктомъ для населенія ближайшаго материка, но и для болѣе отдаленнаго экспорта. Таже самая кэта, что ловится въ устьяхъ сахалинскихъ рѣкъ, составляетъ предметъ крупнаго промысла у береговъ Аляски и въ видѣ баночныхъ консервовъ, подъ именемъ семги, идетъ въ большомъ количествѣ на европейскіе и азіатскіе рынки. Точное количество вывозимой японцами съ Сахалина рыбы неизвѣстно, потому что хотя она и оплачивается вывозной пошлиной, но учетъ ея производится на глазъ простыми объѣздчиками, добросовѣстность которыхъ при томъ же не всегда можетъ быть удостовѣрена. Но Сахалинская администрація полагаетъ, что за послѣднее время японцы вывозили рыбы, не менѣе 1.300 тысячъ пудовъ ежегодно. Большая часть вывозимой рыбы обрабатывается ими въ видѣ тука, на пудъ котораго идетъ четыре пуда свѣжей сельди. Можно себѣ поэтому представить, какое колоссальное богатство заключаютъ въ себѣ сахалинскія воды, и какой широкій сбытъ могла бы найти мѣстная рыба, если бы промыселъ этотъ не парализовался отсутствіемъ дешевыхъ средствъ перевозки.

Изъ возможныхъ на Сахалинѣ морскихъ промысловъ слѣдуетъ назвать еще китобойный, добычу

моржей, тюленей, а также морской капусты и трепанговъ, столь цѣнимыхъ въ Китаѣ.

На двѣ трети своей поверхности Сахалинъ покрытъ лѣсами, которые по своей мощности не уступаютъ корейскимъ и за послѣдніе передъ войной годы давали значительный заработокъ населенію прибрежныхъ мѣстностей, конкурируя въ портахъ азіатскаго побережья съ американскимъ лѣсомъ. Въ 1901 г., напримѣръ, изъ Корсаковскаго округа вывезено было свыше 22½ тысячъ бревенъ.

Наконецъ, въ средней и южной частяхъ острова можетъ съ успѣхомъ развиваться земледѣльческій промыселъ и скотоводство, и хотя эти два промысла не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ рыбнымъ или горнымъ промысломъ, тѣмъ не менѣе возможность, хотя бы и не вполнѣ, удовлетворять мѣстными средствами продовольствію населенія, конечно, имѣетъ не маловажное значеніе, какъ въ виду того, что отъ цѣны на предметы первой необходимости зависитъ цѣна и на всѣ остальные предметы производства такъ и — главнымъ образомъ — въ виду островного положенія колоніи, куда, въ случаѣ блокады, не всегда могутъ быть доставлены предметы продовольствія.

III.

Какъ бы ни былъ богатъ Сахалинъ, но центръ тяжести его значенія для насъ лежитъ вовсе не въ тѣхъ дарахъ природы, которые таятъ въ себѣ нѣдра его земель и водъ. Его значеніе для насъ обусловливается прежде всего и главнымъ образомъ его географическимъ положеніемъ *). Протянувшись почти на 900 верстъ вдоль нашего восточно-азіатскаго по-

*) См. приложенную къ брошюрѣ карту.

бережья, Сахалинъ мѣстами такъ близко подходитъ къ материку, что составляетъ съ нимъ какъ бы одно цѣлое. Самая узкая часть Татарскаго пролива, носящая названіе пролива Невельского, имѣетъ ширины всего только семь верстъ и стало быть не превышаетъ разстоянія вполнѣ доступнаго для артиллерійскаго обстрѣла не только проходящихъ въ проливѣ судовъ, но и одного берега другимъ. При такихъ условіяхъ ни одно судно не можетъ пройти ни въ устье Амура, ни обратно, если того не пожелаетъ государство, которому будетъ принадлежать Сахалинъ и такимъ образомъ послѣдній является какъ бы пробкой, герметически закупоривающей устье Амура и всю страну, лежащую въ бассейнѣ этой великой рѣки, протекающей около 3 тысячъ верстъ.

Я не стану долго останавливаться на томъ стратегическомъ значеніи, какое придаетъ Сахалину его географическое положеніе. Находясь въ рукахъ Японіи, онъ открываетъ ей безпрепятственный доступъ на нашу территорію не только черезъ устье Амура, но и болѣе близкимъ путемъ, черезъ заливъ Де-Кастри. Заливъ этотъ представляетъ собою одну изъ лучшихъ естественныхъ бухтъ всего принадлежащаго намъ побережья Великаго океана. Будучи достаточно обширенъ, чтобы вмѣстить въ себѣ цѣлый флотъ, онъ хорошо укрытъ со стороны моря, а потому представляетъ чрезвычайно удобное мѣсто какъ для отстаиванія судовъ во время шторма, такъ и для высадки дессанта. Въ семи верстахъ отъ этого залива имѣется озеро Кизи, которое глубокимъ протокомъ соединяется съ Амуромъ южнѣе Николаевска и даетъ возможность проникнуть по рѣкѣ какъ на сѣверъ, къ этому порту, такъ и на югъ, къ Хабаровску и далѣе. Преимущество этого залива передъ устьемъ Амура для военныхъ цѣлей заключается еще и въ томъ, что тогда какъ устье Амура освобождается отъ заносимыхъ въ него изъ Охотскаго моря льдовъ не ранѣе

первой половины іюня, Де-Кастри уже въ концѣ апрѣля совершенно доступенъ для судовъ.

Посмотримъ теперь, какое экономическое значеніе имѣетъ устье Амура для Приамурья. По даннымъ переписи 1897 года населеніе Амурской и Приморской областей составляло болѣе 343½ тысячъ человѣкъ, изъ нихъ русскихъ свыше 217½ тысячъ, остальные—инородцы и проживающіе въ краѣ иностранцы. Изъ числа русскихъ считалось крестьянъ, казаковъ и мѣщанъ около 214½ тысячъ и только около 3 т. падало на другія сословія. Эти цифры теперь уже устарѣли, и населеніе Приамурья, благодаря притоку переселенцевъ, значительно увеличилось, главнымъ образомъ насчетъ крестьянъ, такъ что русское населеніе края можно считать въ настоящее время не менѣе 300 тысячъ человѣкъ. Подавляющее большинство крестьянъ, казаковъ и мѣщанъ занято земледѣліемъ, которое и составляетъ основной промыселъ населенія. Какого развитія уже теперь достигаетъ этотъ промыселъ, можно судить по тому, что въ 1901 году, напримѣръ, въ Приморской области было собрано хлѣба и картофеля 7.200 тысячъ пудовъ, а въ Амурской въ 1903 году, при среднемъ урожаѣ, тѣхъ же продуктовъ было собрано 8.400 тысячъ пудовъ. Уже и теперь Приамурье производитъ хлѣба болѣе, чѣмъ необходимо, но земледѣльческій промыселъ, благодаря продолжающемуся притоку переселенцевъ, растетъ и развивается съ каждымъ годомъ и нѣтъ сомнѣнія, что въ ближайшемъ будущемъ Приамурье сдѣлается житницей не только Забайкалья, въ которомъ вслѣдствіе высокаго положенія его надъ уровнемъ моря хлѣбъ не всегда успѣваетъ дозрѣвать, но и болѣе отдаленныхъ мѣстностей, каковы сѣверная часть Иркутской губерніи и Якутская область. Между тѣмъ развитіе земледѣльческаго промысла въ Приамурьи только и возможно при свободномъ выходѣ въ море. Рабочія руки здѣсь, какъ и во всякомъ молодомъ и

развивающемся краѣ, гдѣ густота населенія не соотвѣтствуетъ территоріи, очень дороги, и потому обработка земли возможна только при помощи машинъ. Чтобы судить, на сколько сильно развито въ Приамурьи употребленіе машинъ въ земледѣльческомъ промыслѣ, достаточно сказать, что за пятилѣтіе съ 1899 по 1903 годъ въ одной только Амурской области было пріобрѣтено 13.710 штукъ разнаго наименованія земледѣльческихъ орудій на сумму около 2 милліоновъ рублей. Въ одномъ только 1903 году было пріобрѣтено въ Амурскоіі области 2241 штука разныхъ машинъ и орудій на сумму свыше 326 тысячъ рублей, при чемъ изъ этой массы машинъ и орудій только 25 молотилокъ, 45 конныхъ приводовъ и 20 вѣялокъ-сортировокъ, или 4 съ небольшимъ процента, изготовлены были въ предѣлахъ Россіи. Все остальное было выписано изъ Англіи, Америки и Германіи и привезено морскимъ путемъ черезъ устье Амура. Пусть будетъ закрытъ свободный выходъ въ море по Амуру—и земледѣльческій промыселъ въ Приамурьи долженъ будетъ значительно пасть, такъ какъ перевозка машинъ транзитомъ черезъ два материка ляжетъ слишкомъ тяжелымъ бременемъ на ихъ цѣну, которая для большинства будетъ совершенно недоступна.

Такое же гибельное вліяніе будетъ имѣть закрытіе морского пути черезъ Амуръ и на золотопромышленность, которая, занимая собою до 35 тысячъ рабочихъ, даетъ уже теперь государству свыше 600 пудовъ золота ежегодно. При общей дороговизнѣ, въ Приамурьи возможна разработка золота только при очень значительномъ содержаніи его въ пескахъ. По даннымъ 1901 года, напримѣръ, среднее содержаніе золота въ Приморской области составляло 1 зол. 28 долей на 100 пудовъ песковъ, таково же, приблизительно, содержаніе золота и въ Амурской области. Но такая богатая добыча объясняется вовсе не тѣмъ, что вся золотоносная площадь Приамурья отличается

одинаково богатымъ содержаніемъ золота, а только тѣмъ, что разработка площадей съ содержаніемъ ниже золотника не окупаетъ расходовъ и становится убыточной. Поэтому площади съ менѣе значительнымъ содержаніемъ золота вовсе не разрабатываются и ждутъ того времени, когда, при общемъ экономическомъ развитіи края, жизнь сдѣлается дешевле и дастъ возможность разработки болѣе бѣдныхъ золотомъ площадей. Но если и теперь, при морской доставкѣ изъ за границы необходимыхъ для золотопромышленности машинъ, возможна разработка площадей только лишь съ золотниковымъ содержаніемъ, то чего же можно ожидать при доставкѣ ихъ сухимъ путемъ.

Третьимъ крупнымъ промысломъ въ Приамурьи является рыбный. Низовья Амура, при своемъ сѣверномъ положеніи и близости холоднаго Охотскаго моря, имѣютъ совершенно полярный характеръ, вслѣдствіе чего они своего хлѣба не производятъ и даже такія овощи, какъ капуста, огурцы и картофель привозятся туда съ Сахалина или изъ Хабаровска. Единственнымъ средствомъ къ существованію для населенія является тамъ рыбный промыселъ. Какихъ-нибудь десять лѣтъ тому назадъ послѣдній имѣлъ лишь мѣстное значеніе, но, въ связи съ общимъ развитіемъ экономической жизни края, толчкомъ къ которому послужили переселенія и устройство желѣзнаго пути, и рыбный промыселъ въ низовьяхъ Амура сдѣлалъ громадный скачекъ впередъ. Лѣтъ 15 тому назадъ арендная плата за самый лучшій рыболовный участокъ не превышала 300 рублей въ годъ, теперь же плата за право эксплуатаціи рыболовныхъ участковъ въ устьѣ Амура доходитъ до 10 и даже до 11 тысячъ въ лѣто. Въ послѣдніе годы рыбу оттуда стали вывозить не только въ Японію, но даже и въ Европу. Исключительно для европейскаго экспорта ниже Николаевска устроено два рыбныхъ завода, и специ-

ально зафрахтованный германскій пароходъ Біанка съ устроенными на немъ рефрижираторами уже нѣсколько лѣтъ, не исключая даже прошлаго года, вывозитъ оттуда рыбу на европейскіе рынки, и въ прошломъ году, напримѣръ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, подъ именемъ амурской семги, можно было покупать вывезенную изъ Николаевска соленую кэту по 35 коп. фунтъ. По свѣдѣніямъ 1901 года, изъ Николаевска вывезено было моремъ 470.500 пудовъ груза, который состоялъ почти исключительно изъ рыбы. Цифра эта, конечно, не поражаетъ своей величиной, но если принять во вниманіе, какъ молодо рыбное дѣло на Амурѣ, что оно до сихъ поръ еще не вышло изъ области опытовъ, то за этой цифрой нельзя не признать значенія весьма важнаго показателя возможной продуктивности этого промысла въ будущемъ.

Другіе виды промышленности на Амурѣ находятся лишь въ зачаточномъ состояніи, хотя общая цѣнность производства всѣхъ этихъ видовъ все таки достигаетъ 6.700 слишкомъ тысячъ рублей. Но Амурскій край еще ждетъ своихъ предпринимателей. Его богатства столь же разнообразны какъ и богатства Сахалина, но, можетъ быть, еще значительнѣй.

Изъ ископаемыхъ кромѣ золота до сихъ поръ въ немъ найдены желѣзныя, мѣдныя и сребросвинцовыя руды, нефть, каменный уголь, мраморъ бѣлая и зеленая глина, пригодная для выдѣлки фарфора, сюрьма, аметисты и другіе минералы. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ краемъ и при научномъ его обслѣдованіи, быть можетъ, въ нѣдрахъ его будутъ открыты и другія, невѣдомыя теперь, богатства. Но для развитія всѣхъ этихъ разнообразныхъ видовъ добывающей промышленности необходимо прежде всего одно условіе—возможность пользоваться свободнымъ выходомъ въ море.

Благодаря своей естественной артеріи—Амуру, Приамурье даже въ своихъ самыхъ отдаленныхъ отъ моря частяхъ есть страна приморская, такъ какъ всѣ его экономическіе интересы тяготѣютъ къ морю и отъ него, отъ степени его доступности, получаютъ смыслъ и значеніе. Но если Сахалинъ будетъ принадлежать японцамъ, или какой бы то ни было другой націи кромѣ русскихъ, то Приамурье, не смотря на значительную протяженность своей береговой линіи, можетъ превратиться въ совершенно континентальную страну и терпѣть всѣ неудобства, на которыя обречены такія удаленныя отъ центровъ міровой культуры страны, какъ напр. Якутская область. Послѣдняя, не смотря на многія естественныя богатства, встрѣчающіяся въ ея нѣдрахъ, лежитъ скованная мертвымъ сномъ, потому что никакая промышленная энергія не въ силахъ преодолѣть эти необъятныя сухопутныя пространства, которыя дѣлаютъ безвыгоднымъ всякое производство, разсчитанное на болѣе или менѣе отдаленный рынокъ.

Конечно, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что японцы, завладѣвъ Сахалиномъ, закроютъ намъ выходъ изъ Татарскаго пролива. Но развѣ возможно правильное развитіе экономической жизни при отсутствіи увѣренности въ прочности и устойчивости главнѣйшаго условія ея процвѣтанія—свободнаго выхода въ море. Случись завтра какое нибудь политическое осложненіе—и страна совершенно неожиданно можетъ очутиться запертою на сухомъ берегу въ самомъ безпомощномъ положеніи. Кто при такихъ условіяхъ захочетъ затрачивать въ дѣло свои капиталы? Такимъ образомъ съ отдачею Сахалина японцамъ, мы обрекаемъ на медленную смерть и все Приамурье, которое или совершенно зачахнетъ или будетъ вынуждено всецѣло отдаться въ руки иностранцевъ, которые будутъ расхищать его богатства къ великому для насъ разоренію.

Но такое положеніе, конечно, совершенно неестественно, и черезъ нѣсколько лѣтъ, въ силу причинъ чисто экономическихъ, мы вынуждены будемъ снова взяться за оружіе, чтобы или возвратить Сахалинъ и открыть себѣ свободный выходъ въ море или... уйти совсѣмъ съ береговъ Великаго океана, и зарыться въ глубину Сибири.

IV.

Изъ всего того, что сказано было ранѣе, очевидно, что Сахалинъ имѣетъ двоякое для насъ значеніе: какъ неистощимый источникъ разнообразныхъ естественныхъ богатствъ и какъ естественная граница наша на Востокѣ, цѣлость которой не можетъ быть нарушена безъ нарушенія безопасности остальной нашей территоріи и нормальныхъ условій экономическаго развитія всего Приамурья. Посмотримъ теперь какое значеніе имѣетъ онъ для японцевъ.

На сѣверный Сахалинъ они никогда никакихъ претензій не заявляли, да и южная его часть была эксплуатируема ими весьма слабо. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, прошлаго столѣтія, т. е. спустя лѣтъ восемьдесятъ послѣ того, какъ они стали посѣщать Сахалинъ для рыбной ловли, число занимавшихся рыбнымъ промысломъ рабочихъ японцевъ достигало 600 человѣкъ а количество добываемаго ими тука едва превышало 147 тысячъ пудовъ. Правда, позднѣе эта промышленность начала быстро развиваться, увеличившись съ тѣхъ поръ почти въ десять разъ, но вывозимыя ими количества рыбныхъ продуктовъ сущіе пустяки по сравненію съ тѣмъ, что они могли бы вывозить при томъ обиліи и легкости добычи рыбы, какими отличается Сахалинъ. За все время своего знакомства съ послѣднимъ они ни разу не попытались расширить рыбное дѣло путемъ приготовленія болѣе цѣнныхъ продуктовъ, которые могли бы найти себѣ

сбытъ за предѣлами Японіи. Въ этомъ отношеніи они не имѣютъ никакихъ преимуществъ передъ нами, и если, обладая колоссальными залежами каменнаго угля, мы не съумѣли развить каменноугольную промышленность до сколько нибудь значительныхъ размѣровъ, доведя выработку угля до 3 милліоновъ пудовъ въ годъ, то и японцы сдѣлали не больше. Всетаки мы пытались колонизовать Сахалинъ затративъ на это дѣло свыше 30 милліоновъ рублей и если колонизація эта не удалась, то виновата въ этомъ не неспособность наша, а тотъ мертвящій духъ насилія и произвола, которымъ были проникнуты всѣ отношенія тюремной администраціи къ подневольнымъ и безправнымъ колонистамъ.

Причины столь слабаго развитія экономической дѣятельности японцевъ на Сахалинѣ лежатъ, конечно, не въ недостаткѣ предпріимчивости. Отчасти они находились въ зависимости отъ того же тюремнаго режима, который препятствовалъ и нашей колонизаціи, но главнымъ образомъ, если не исключительно, отъ суровости сахалинскаго климата, къ которому не могли приспособиться жители субтропической Японіи. За доказательствомъ ходить недалеко. Самый сѣверный изъ японскихъ острововъ Матсмай (Іессо), несмотря на то что лежитъ южнѣе Сахалина и несравненно менѣе подвергается вліянію холоднаго теченія Охотскаго моря, до сихъ поръ населенъ весьма слабо, хотя японское правительство всячески поощряло колонизацію этого острова, предоставляя переселенцамъ между прочимъ освобожденіе отъ воинской повинности. Въ виду этого надо думать, что очень не скоро настало бы то время, когда японцы, послѣ продолжительнаго приспособленія, нашли бы возможнымъ колонизовать Сахалинъ. Занявъ Сахалинъ, они, по прежнему, смотрѣли бы на него какъ на мѣсто отхожаго рыбнаго промысла, а эксплоатацію его горныхъ богатствъ предоставили бы американцамъ.

Въ этомъ отношеніи мы поставлены въ гораздо болѣе выгодныя условія. Намъ, сѣверянамъ, жителямъ тѣхъ же широтъ, на которыхъ лежитъ и Сахалинъ, не нужно слишкомъ много приспособляться къ особенностямъ сахалинскаго климата, и если бы мы въ самомъ началѣ не сдѣлали ошибки, предоставивъ колонизаціонное дѣло на Сахалинѣ въ исключительное распоряженіе тюремнаго вѣдомства, то въ настоящее время у насъ не могло бы быть и вопроса, отдавать-ли его японцамъ или нѣтъ, такъ какъ на немъ было бы значительное и благоустроенное населеніе и самый островъ, благодаря этому, получилъ бы болѣе тѣсную культурную и экономическую связь съ остальными частями Имперіи.

Въ политическомъ отношеніи Сахалинъ также ничего не прибавитъ японцамъ. Онъ имѣетъ для нихъ только отрицательныя выгоды, поскольку его потеря ослабляетъ наше политическое могущество на Востокѣ. Хотя при взглядѣ на карту и кажется, будто Сахалинъ составляетъ необходимое продолженіе японскаго архипелага, являясь послѣднимъ звеномъ того ожерелья острововъ, которое виситъ вдоль восточныхъ береговъ Азіи, но въ дѣйствительности онъ болѣе тяготѣетъ къ материку, отъ котораго онъ оторванъ въ самое недавнее время и съ которымъ въ теченіе почти пяти мѣсяцевъ въ году, когда Татарскій проливъ окованъ льдами, онъ составляетъ одно цѣлое, превращаясь въ полуостровъ, чѣмъ къ японскимъ островамъ. Ни Николаевскъ, ни Де-Кастри, благодаря своему сѣверному положенію, не могутъ сдѣлаться базой для русскаго военнаго флота, что же касается Владивостока, то послѣдній лежитъ много южнѣе Сахалина, и стало быть этотъ островъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ явиться для японцевъ защитнымъ барьеромъ ихъ границъ, каковымъ онъ является для насъ.

Такимъ образомъ значеніе Сахалина для насъ неизмѣримо важнѣе, чѣмъ для японцевъ, а потому

симпатіи всего міра будутъ на нашей, а не на японской сторонѣ, если мы будемъ отстаивать сохраненіе надъ нимъ своего господства, тѣмъ болѣе, что цѣнность Сахалина громадна и хотя ея нельзя опредѣлить даже приблизительно, но во всякомъ случаѣ она должна быть измѣряема не однимъ десяткамъ милліардовъ рублей, цѣнность которая во много разъ превышаетъ стоимость японскихъ издержекъ въ эту несчастную для насъ войну.

Но, повторяю, если бы съ уступкой Сахалина японцамъ мы теряли только тѣ богатства, которыя заключены въ его нѣдрахъ, то съ этимъ всетаки можно было бы помириться, но вмѣстѣ съ нимъ мы терямъ все будущее нашего Приамурья. Если даже допустить, что я слишкомъ преувеличиваю значеніе свободнаго выхода въ море изъ устьевъ Амура для процвѣтанія прилежащаго къ нему края, и что экономическое развитіе послѣдняго возможно даже и при закрытіи для насъ Татарскаго пролива, то несомнѣннымъ является слѣдующее соображеніе. Съ развитіемъ индустріи необходимость открытія все новыхъ и новыхъ рынковъ направляетъ торговопромышленную дѣятельность культурныхъ странъ на азіатскія берега Великаго океана, значеніе котораго, какъ мірового средиземнаго моря, растетъ все болѣе и болѣе и, несомѣнно, долго еще будетъ рости, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ пока капиталистическій строй будетъ господствующимъ или пока восточноазіатская промышленность не разовьется на столько, чтобы не нуждаться въ европейской и американской. Здѣсь, на берегахъ Великаго океана, сталкиваются интересы всѣхъ культурныхъ странъ и торговопромышленная жизнь, этотъ главный нервъ современнаго капиталистическаго строя, все болѣе и болѣе перемѣщается на Востокъ, который въ непродолжительномъ времени, въ особенности съ начавшимся пробужденіемъ Китая, долженъ сдѣлаться ареною кипучей дѣятельности, вызываемой конкуренціей за обладаніе рынкомъ. При этихъ

условіяхъ Сахалинъ, кому бы онъ ни принадлежалъ, не можетъ на долго остаться въ томъ положеніи, въ которомъ онъ теперь находится. Его разнообразныя богатства и близость къ главнымъ рынкамъ, что увеличиваетъ его преимущества передъ болѣе отдаленными европейскими и американскими производительными центрами, должны въ силу конкуренціи и экономической необходимости создать изъ него одинъ изъ міровыхъ центровъ добывающей промышленности. Но тѣ же самые промыслы, которые возможны на Сахалинѣ, возможны и въ Приамурьи и, слѣдовательно, Сахалинъ явится въ этомъ случаѣ конкурентомъ во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ промышленности, какія могли бы развиваться и въ Приамурьи. Пока Сахалинъ будетъ въ нашихъ рукахъ, его конкуренція не опасна. Напротивъ, Сахалинъ и Приамурье, развивая однѣ и тѣ же промыслы, и работая на міровой рынокъ почти съ неограниченнымъ спросомъ, будутъ только поддерживать другъ друга. Совсѣмъ иная получится картина, если на Сахалинѣ разовьется какая нибудь иноземная промышленность. Приамурье край слишкомъ молодой. Территоріальное присоединеніе его произошло менѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ, а серьезное вниманіе стали обращать на него не болѣе какъ за двадцать лѣтъ до нашего времени. По этому, сравнительно со своею территоріей и ея возможною емкостью, онъ представляется весьма мало населеннымъ. Одинъ земледѣльческій промыселъ могъ бы прокормить въ Приамурьи нѣсколько милліоновъ человѣкъ, а между тѣмъ его наличное населеніе едва ли превышаетъ 400 тысячъ. Нѣтъ въ Приамурьи и капиталовъ, а если они и есть, то вслѣдствіе малой населенности и слабаго развитія культурной жизни вообще и происходящей отсюда громадности риска, они обращаются на такіе виды промышленности, которые сулятъ громадные барыши единичнымъ предпринимателямъ какъ напримѣръ золотопромышленность, но мало даютъ для экономи-

ческаго развитія всего края. Возможно ли при такихъ условіяхъ экономическое развитіе края, когда подъ бокомъ, всего на разстояніи семи верстъ, подъ могучимъ давленіемъ капиталистическихъ трестовъ, на Сахалинѣ загудятъ свистки иностранныхъ фабрикъ и заводовъ? Пока мы успѣемъ населить край и привлечь туда капиталы, сахалинская промышленность не только успѣетъ создать рынки, но и насъ самихъ завалитъ предметами своего производства, и мы вынуждены будемъ ихъ брать, потому что не въ состояніи будемъ создать у себя въ Приамурьи такой широкой промышленности, чтобы конкурировать съ сахалинской въ цѣнѣ издѣлій.

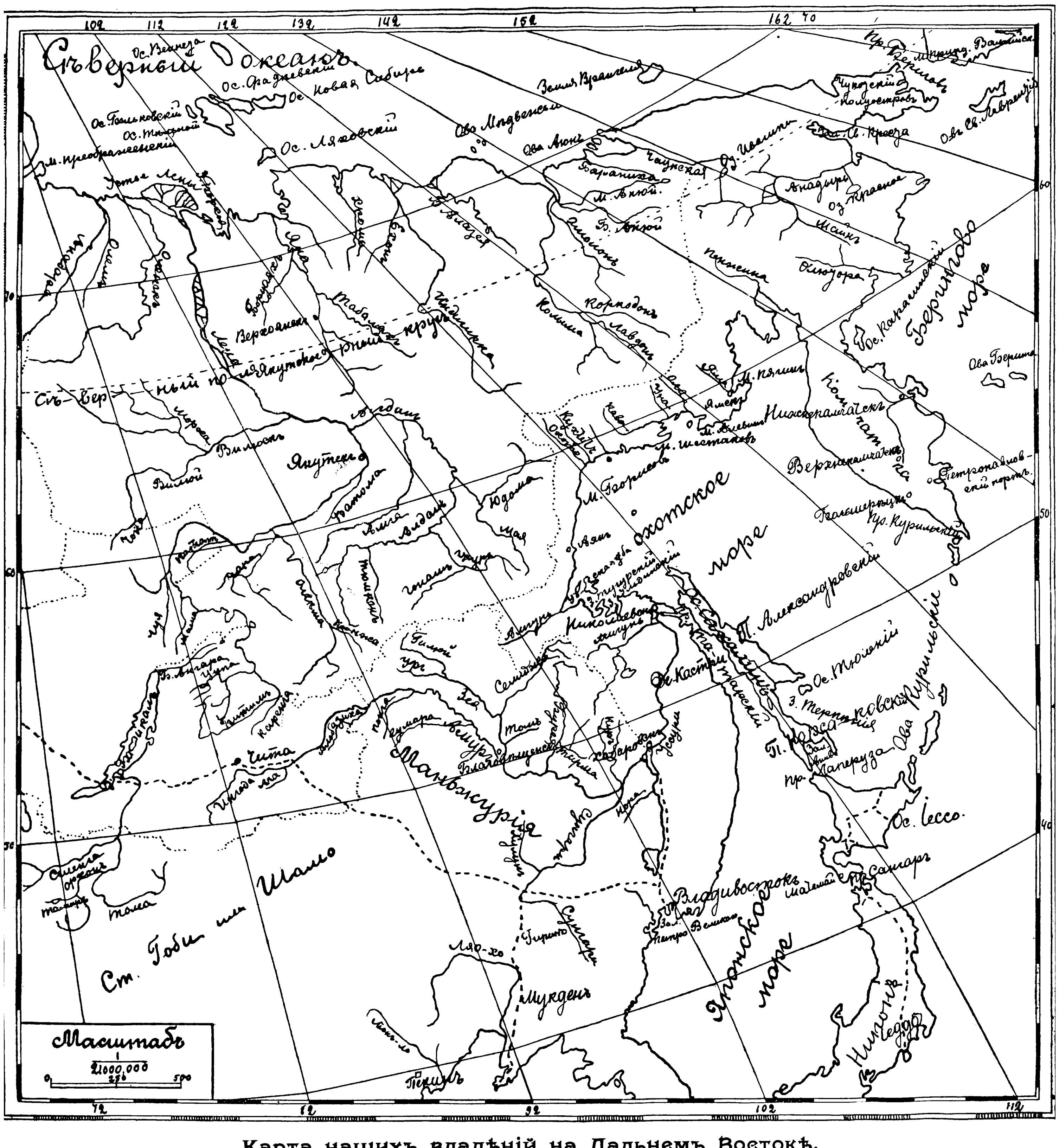
Такимъ образомъ какъ бы мы ни поставили вопросъ, оказывается, что Сахалинъ, этотъ каторжный островъ, которымъ мы такъ долго и такъ незаслуженно пренебрегали, является необходимымъ условіемъ процвѣтанія такого громаднаго края какъ Приамурье. Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, когда оно представляло почти пустынную страну, въ которой не было ни одного русскаго, у насъ не было тамъ никакихъ интересовъ, и мы свободно могли отказаться отъ него, хотя экономическія причины и историческая необходимость войти въ свои естественныя границы неудержимо влекли насъ къ берегамъ Великаго океана уже съ 1643 года. Но теперь, когда край заселенъ выходцами изъ центральныхъ частей Россіи и Сибири, когда чисто русское населеніе его насчитываетъ уже не менѣе 300 тысячъ душъ, когда потомъ и кровью этихъ людей съ неимовѣрными усиліями создалась въ этомъ отдаленномъ краю русская культура, связавшая его неразрывными нитями со всей остальной, искони русской Россіей, интересы Приамурья должны быть ограждаемы съ той же энергіей, съ какой мы ограждали бы интересы любой мѣстности Центральной Россіи, и если мы не можемъ защищать эти интересы силою оружія, то мы должны изыскать иные способы для этой цѣли и всѣми мѣ-

рами стараться удержать за собою Сахалинъ, какъ оплотъ нашихъ экономическихъ и политическихъ интересовъ на Востокѣ и гарантію прочнаго мира на долгіе годы.

Не думаю, чтобы японцы, еслибы они и поставили уступку имъ Сахалина однимъ изъ условій мира, стали бы особенно упорно настаивать на этомъ условіи. Они слишкомъ хорошо знаютъ и Сахалинъ и Приамурье, чтобы заблуждаться относительно значенія его для послѣдняго. Имъ также какъ и намъ необходимъ миръ прочный и продолжительный. А какой же миръ можетъ быть, когда отдавъ Сахалинъ японцамъ, мы накинемъ мертвую петлю на все Приамурье? Если мы не вполнѣ ясно сознаемъ значеніе Сахалина въ настоящую минуту, то узнаемъ это тотъ-часъ, какъ только онъ перестанетъ быть нашимъ. Понявъ свою опрометчивость, и чтобы спасти Приамурье отъ грозящей ему экономической смерти, мы вынуждены будемъ тотчасъ вслѣдъ за подписаніемъ мирнаго договора готовиться къ новой, еще болѣе кровопролитной, еще болѣе ужасной войнѣ, чѣмъ та которую мы переживаемъ теперь. Японцы, конечно, это понимаютъ и и не станутъ дѣлать изъ Сахалина яблоко раздора. Но прежде всего необходимо, чтобы мы сами понимали, что такое Сахалинъ, и рѣшились твердо его отстаивать.

Будемъ же надѣяться, что Сахалинъ, эта наша естественная граница, этотъ ключъ Амура и всего его бассейна, не будетъ отданъ нами. Мы должны быть сильны на Востокѣ, чтобы противодѣйствовать стремленію Японіи къ гегемоніи въ Азіи. Это наша задача не только въ нашихъ интересахъ, но и въ интересахъ всего бѣлаго человѣчества. Но сила наша не въ штыкахъ и пушкахъ, а въ возможно болѣе широкомъ развитіи культуры въ этой отдаленной странѣ. А потому вслѣдъ за подписаніемъ мирнаго договора мы должны будемъ напречь всѣ усилія для того чтобы колонизовать и Приамурье и, главнымъ образомъ,

Сахалинъ, какихъ бы жертвъ намъ это ни стоило. За неимѣніемъ своихъ капиталовъ привлечемъ къ дѣлу иностранные, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы въ качествѣ рабочихъ не привлекались иностранцы. За 15—20 лѣтъ мы успѣемъ создать сильную колонію, привести островъ въ культурный видъ и, можетъ быть, замѣнить иностранныхъ капиталистовъ своими. Мы находимся на зарѣ новой жизни, и кто знаетъ, какого могучаго развитія достигнетъ она, когда освободится отъ тѣхъ путъ, которыми она связана теперь? Будемъ же надѣяться, что въ непродолжительномъ будущемъ Сахалинъ займетъ то положеніе, которое предназначила ему природа и сдѣлается одной изъ драгоцѣннѣйшихъ жемчужинъ среди сокровищъ русскаго народа.

Карта нашихъ владѣній на Дальнемъ Востокѣ.

„Въ этой небольшой, но чуждой субъективнаго освѣщенія книжкѣ читатель знакомится съ фактической исторіей занятія острова, съ его колонизаціей, кончавшейся всегда неудачами, съ исторіей жизни ссыльно-каторжныхъ, ихъ нравами, отношеніемъ къ нимъ мѣстной администраціи, полной произвола и т. п... Словомъ, всѣ, прочитавшіе книгу г. Панова, найдутъ въ ней прекраснаго указателя для того, чтобы оріентироваться при рѣшеніи вопросовъ, касающихся этого отдаленнаго и забытаго нами острова".

(„СЛОВО" № 60).

„Вдумчивый и тщательно разработанный очеркъ г. Панова вызываетъ на серьезныя размышленія; въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть поставленъ рядомъ съ извѣстной книгой А. П. Чехова".

(„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ" № 3).

„Сахалинъ г. Панова не представляетъ собою, по счастью, книги, написанной „на случай" и потому, естественно, является книгой болѣе цѣнной въ ряду другихъ: сразу видно, что ни тонъ, ни строчки ея не подогнаны и не принаровлены къ „патріотическому моменту", къ злобѣ дня, а глубоко прочувствованы и продуманы. И это, конечно, солидный залогъ того, что правда о Сахалинѣ въ изложеніи ея г. Пановымъ свободна отъ всяческихъ нежелательныхъ вліяній—какъ въ сторону плюса, такъ и въ сторону минуса... Языкомъ чрезвычайно живымъ, яснымъ и красивымъ онъ серьезно знакомитъ читателя съ государственнымъ, экономическимъ, политическимъ и колоніальнымъ значеніемъ Сахалина, съ его администраціей, бытомъ и нравственностью. Наглядно и непровержимо, съ цифрами въ рукахъ, авторъ выясняетъ, то богатство Сахалина, на которое зарятся въ настоящіе дни всѣ, кому онъ пока еще непринадлежитъ, и на которое мы, его владѣльцы, взирали и, кажется, продолжаемъ взирать совсѣмъ равнодушно".

(„РАЗСВѢТЪ" № 110 и „СПБ. ВѢДОМОСТИ" № 150).
